

О.Г. Шмидт

Исследование древностей Минусинской котловины в работах С.И. Руденко*

Имя Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) связано с целой серией научных дисциплин – этнографией, археологией антропологией, в развитие которых ученый внес свой оригинальный вклад. Изучение древних культур Северной Евразии было одним из важных направлений в научной деятельности профессора. На весь мир стали известны археологические исследования, осуществленные С.И. Руденко в долине Пазырык в середине XX в. Однако жизненный путь и научное наследие настолько разнообразны, что до сих пор остаются некоторые лакуны в их изучении. Результаты работ исследователя постоянно и в кратчайшие сроки публиковались в виде статей и монографий. Однако до сих пор некоторые из материалов экспедиционных исследований остаются неопубликованными. Одним из примеров является исследование курганных могильников в Минусинской котловине, которые были осуществлены ученым во время томского периода.

В последние годы вышел ряд статей, рассматривающих период жизни Сергея Ивановича Руденко, проведенный в Томске [1–5]. Однако до сих пор не введены в научный оборот материалы полевых исследований ученого в Минусинской котловине.

Основная деятельность Сергея Ивановича в томский период разворачивается в двух учреждениях: физико-математическом факультете Томского университета и Институте исследования Сибири (далее – ИИС) [1, с. 32; 3, с. 64; 5, с. 55; 6, с. 378]. С ноября 1920 г. ученый большинством голосов был избран на должность декана физико-математического факультета Томского университета. В литературе отмечается, что в этой должности С.И. Руденко пробыл всего полгода [3, с. 74]. После отъезда в экспедицию в Челябинскую и Кустанайскую губернии весной 1921 г. ученый уже не возвращался к обязанностям декана.

В рамках работы в университете и Институте исследования Сибири под руководством Сергея Ивановича были осуществлены две комплексные экспедиции: первая – Абаканско-Минусинская в 1920 г. и вторая – географо-этнографическая на Южном Урале и в Западном Казахстане в 1921 г. К организации экспедиций Сергей Иванович подошел серьезно. Именно по его инициативе Абаканско-Минусинская экспедиция была внесена в учебный план Томского университета на лето 1920 г. и в списки научных экспедиций ИИС.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (НШ-5400.2008.6. «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»).

Для контроля технического оснащения всех организуемых Институтом экспедиций была создана специальная Комиссия, в которой участвовали наиболее опытные в этом деле люди, в том числе С.И. Руденко. Кроме этого, с марта 1920 г. Томским университетом, ИИС и Сибирским геологическим комитетом были организованы специальные курсы для подготовки исследователей природы и инструкторов по составлению школьных коллекций [3, с. 68].

Основное внимание исследователей было сосредоточено на палеоэтнологическом изучении местности. Экспедиция 1920 г. планировалась «... в долину р. Енисей к югу от Красноярска с прилегающим нагорьем для изучения речных террас, лёссовых дюн, безсточных областей, карстовых явлений, пещер, палеоэтнологических и этнологических исследований». В состав экспедиции 1920 г. входили, помимо руководителя С.И. Руденко, два ассистента (преподаватели физико-математического факультета С.А. Теплоухов и А.К. Иванов), препаратор кафедры географии и антропологии И.М. Залесский и три студента; А.Н. Глухов, М.П. Грязнов, Ю.М. Голубкова. В экспедиции также принял участие младший ассистент историко-этнологического отдела Института исследования Сибири Ф.А. Фиельструп, который вел самостоятельные этнографические исследования и принимал участие в археологических раскопках [3, с. 68, 69]. Экспедиция носила комплексный характер – исследования проводились в области антропологии, этнографии и археологии. Однако стоит отметить, что в экспедиции 1921 г., в отличие от Абаканско-Минусинской экспедиции 1920 г., основной акцент делался именно на антрополого-этнографических исследованиях. Наиболее существенным в археологическом плане являлось произведенное под руководством С.И. Руденко изучение четырех могильников, относящихся к тагарской культуре. Целью данных исследований было изучение: «... курганных могильников Минусинского края для выяснения физического типа населения этой эпохи и бытовых его особенностей, поскольку о них можно судить по характеру погребений и погребальному инвентарю» [7, с. 402]. Недостаток времени и средств не позволил членам экспедиции провести крупномасштабные раскопки, поэтому для исследования были выбраны 15 курганов в различных пунктах Минусинской котловины, которые были наименее значительными по размеру, в том числе в долине р. Енисея у д. Бузунова (Бузуновой) –

6 курганов; близ улуса Асочаков (Асачаково) в долине р. Аскиза – 2 кургана; у д. Копьево на р. Чулыме – 6 курганов; у д. Аешино на р. Белом Июсе – 1 курган. В результате этих исследований был получен разнообразный материал, характеризующий различные этапы тагарской культуры. Несмотря на то, что исследуемые памятники находились на большом расстоянии друг от друга, С.И. Руденко дал им сплошную нумерацию римскими цифрами для всех курганов. Названия давались по ближайшему населенному пункту, которые в дальнейшем закрепились в отечественной археологической литературе. После окончания экспедиции в кабинет географии Томского университета были переданы археологические и антропологические коллекции, которые через некоторое время поступили в археологический музей университета, а настоящее время хранятся в Музее археологии и этнографии им. В.М. Флоринского ТГУ [4, с. 38]. Дневник раскопок данных памятников хранится в архиве Российского этнографического музея.

Результаты проведенных исследований были проанализированы ученым и опубликованы в 1929 г. во французском журнале «L' Anthropologie» в виде обобщающей статьи. На русском языке подобная статья не выходила. Автором настоящей статьи был изучен документ «Погребения курганной эпохи Минусинского края», являющийся оригиналом данной статьи ученого на русском языке и хранящийся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук.

Имеющиеся во французской статье С.И. Руденко иллюстрации отражают процесс исследования памятников и наиболее яркий сопроводительный инвентарь раскопанных погребений, но не демонстрируют его полностью. Ко времени написания С.И. Руденко указанной выше работы в России были опубликованы работы его коллеги С.А. Теплоухова [8–10] с классификационной схемой древних культур Минусинского края. Из содержания статьи Сергея Ивановича следует, что он уже был знаком с периодизационной схемой С.А. Теплоухова, поскольку в своей работе он ссылается на последнего и относит раскопанные им погребения к «курганной» культуре. Раскопанные погребения С.И. Руденко хронологически отнес к концу бронзовой эпохи без деления на какие-либо этапы [7, с. 406].

Первый из раскопанных Абакано-Минусинской экспедицией 1920 г. памятников находился в 530 м от деревни Бузуновой вверх по долине р. Енисей на правом берегу в 639 м от реки. Исследования продолжались с 9 по 14 июня включительно. Всего было раскопано 6 курганов, в которых находилось в общей сложности 19 могил. Первые три кургана – Бузунова-I–III находились на небольшом расстоянии друг от друга и представляли собой каменные прямоугольные ограды с насыпью и четыремя угловыми плитами,

ориентированными по направлению З–В и двумя могильными ямами. Три другие кургана этого же могильника (Бузунова-IV–VI) – больших размеров с каменными оградами от пяти до восьми вертикально поставленных плит, что было обусловлено наличием в них большего числа могил. Стоит отметить, что, рассматривая внешний вид раскопанных погребальных сооружений, ученый справедливо отмечал, что хронологически более поздним вариантом является оградка с шестью, восьмью или десятью вертикально поставленными камнями. Подобное же суждение параллельно выдвигалось С.А. Теплоуховым [9, с. 544], и в ходе изучения тагарской культуры подтвердилось другими исследователями [11, 12]. Отмечая эту особенность, Сергей Иванович тем не менее не стал разделять раскопанные им курганы тагарской культуры на какие-либо хронологические этапы и придерживался этого мнения в течение всего научного пути [13, с. 44]. В связи с этим ученым в статье 1929 г. была дана общая характеристика всем раскопанным им памятникам.

Основные особенности погребального обряда и сам процесс сооружения памятников, по мнению С.И. Руденко, выглядел следующим образом: «На дерновой поверхности земли вырывалась прямоугольная яма, удлинённая в ВЮВ–ЗСВ направлении глубиной в метр с небольшим, с отвесными стенками. Стенки нижней половины ямы могилы выкладывались срубом в несколько бревен, врубленных шипами или в лапу. Над срубом ставились вертикально каменные плиты, прикрывающие верхнюю половину стенок могильной ямы. В некоторых случаях сруба не делалось, а стенки могилы обставлялись каменными плитами, а иногда стены могилы образовывали четыре цельных плиты, тщательно обделанные в виде каменной гробницы. На дно сооруженной таким образом могилы клался труп, чаще всего в вытянутом положении, головой на восток-юго-восток или запад-северо-запад. Тут же, на дно могилы или в глиняных горшках, или непосредственно на земле клалась пища, чаще всего передняя нога барана с лопаткой, тремя-четырьмя ребрами, или передняя конечность с ребрами же лошади или рогатого скота... Далеко не всегда в могильной яме находится один погребенный. Нередко костяков в одной и той же могильной яме два, три и более, до 17-ти, как это имело место в одной из раскопанных у улуса Аешина могил. Положенные в могильную яму остатки засыпались землей. Засыпанная землей, а иногда землей с более или менее значительными каменными глыбами, валунами или плитками, могильная яма на уровне растительного слоя почвы прикрывалась двумя или более массивными каменными плитами, иногда в несколько сот килограммов весом каждая. Поверх плит насыпалась груда каменных глыб более или менее значительных размеров или слой каменных плиток с землей. Вокруг могильной ямы, на поверх-

ности почвы, на некотором расстоянии от ее стенок из вертикально поставленных каменных плиток устраивалась прямоугольная оградка, до тридцати и более сантиметров высотой, с большими вертикально же поставленными каменными глыбами по углам. Наконец, поверх могильной ямы, вместе с окружающей ее каменной оградкой, насыпался земляной холмик».

При этом Сергей Иванович отмечал, что внутри каменной ограды могло находиться от одной до четырех и более погребальных ям. Было отмечено, что в некоторых случаях могилы внутри оградки располагались в один ряд, примерно на равном расстоянии друг от друга. Скелеты в раскопанных С.И. Руденко погребениях в большинстве случаев лежали в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Однако встречались могилы, в которых кости скелета находились в полном беспорядке, но при этом не были разбросаны в разных местах ямы, а чаще всего лежали в куче, тазовая кость, под нею череп, ребра, лопатки, крестец, кости конечностей – все вместе. Уделяя особое внимание изучению способа погребения, С.И. Руденко удалось выдвинуть интересную гипотезу. Нахождение в пределах одной могилы частей скелета, находящихся в анатомическом порядке, а в других – частей этого же скелета в полном беспорядке привело ученого к мысли о том, что в данном случае речь идет о вторичных погребениях, а не об ограблении, как это предполагалось ранее. В пользу подтверждения своей мысли ученым приводятся следующие аргументы:

- расположение каменных хорошо подогнанных друг к другу плит внутри кургана непосредственно над каменным ящиком;
- наличие в данных погребениях предметов, находящихся в их первоначальном положении, в том числе: «... пучки стрел, плотно прилегающих одна к другой, глиняные сосуды, поставленные на дне могилы, или серии бус, явно свидетельствующие о том, что они были нанизаны на шнуры»;
- нахождение костей животных в первоначальном положении;
- особенности расположения частей скелета погребенного;
- нахождение в некоторых могилах человеческих костей со следами окиси меди и отсутствие при этом бронзовых изделий.

На основании перечисленных выше аргументов и суждения о том, что в некоторых случаях можно говорить об одновременности погребения в могилах одного кургана (Аешино, Асочаков улус, Бузунова-IV) Сергей Иванович делает следующие предположения относительно погребального обряда. «Лето или ранняя осень были тем временем, когда совершалось погребение... захоронение умерших и сооружение ограды совершалось, по-видимому, одновременно...». Различная степень сохранности скелетов приводит ученого к мысли, что вторичное погребение умер-

ших в курганную эпоху совершалось периодически, вероятнее всего раз в год. Трупы незадолго до погребального периода не успевали разложиться и хищники не причиняли им существенного вреда. Чем дольше они оставались на поверхности в ожидании погребения, тем более разрушались. Случайные находки бронзовых предметов тагарской эпохи, по мнению С.И. Руденко, приурочены к местам первичных погребений, т.е. к тем, где временно находился труп до его вторичного погребения в земле. Часть вещей, непосредственно связанных с умершим, – нож и шило у пояса, головные уборы, одежда с металлическими украшениями и проч., – переносилась вместе с ним и погребалась при вторичном погребении, часть же предметов погребального инвентаря, и притом, по-видимому, наиболее значительная, оставалась на первоначальном месте.

Спустя десятилетия, возвращаясь к проблемам изучения тагарской культуры, С.И. Руденко по-прежнему стоял на своей точке зрения, считая большинство раскопанных им погребений вторичными [13, с. 42]. Подтверждение данной точки зрения мы находим в работах и других авторов. Так, А.И. Мартынов при рассмотрении культа предков населения лесостепной тагарской культуры во II–I вв. до н.э. не исключал возможности того, что «...труп до погребения длительное время находился где-то в другом месте, а потом переносился в погребальную камеру вместе с предметами, необходимыми для иной «загробной» жизни» [12, с. 134]. По мнению другого исследователя Э.Б. Вадецкой, в могилы тагарской культуры могли укладываться не только трупы, но и отдельные черепа и кости умерших [14, с. 85].

Детально анализируя погребальный инвентарь раскопанных погребений, С.И. Руденко отмечал его относительную бедность, но тем не менее считал достаточным для рассмотрения некоторых аспектов тагарской культуры. Вещевой комплекс был представлен следующими находками: керамические сосуды; наконечники стрел – костяные и деревянные, бронзовые; чеканы, втоки, кинжалы, зеркало; костяные гребни, ножи, шилья и многие другие категории инвентаря, характерного для разных этапов тагарской культуры. Список найденных предметов был сведен С.И. Руденко в единую таблицу.

Ученый довольно подробно рассмотрел следующие категории вещей с выделением внутри набора отдельных типов: ножи, шилья, бронзовые и костяные наконечники стрел, украшения, керамика и другие категории. Проведенный исследователем анализ позволил прийти к ряду выводов. В частности, большое разнообразие типов и видов наконечников стрел (*всего было найдено 67 костяных и бронзовых экземпляров*), по мнению ученого, было связано с тем, что «...население Минусинского края в курганную эпоху не выработало еще общепринятого типа наконечника

стрелы, что наконечники изготавливались если не каждым для себя, то во всяком случае многими мастерами, а не специалистами этого дела, да к тому же стрелы изготавливались для различных надобностей – боевых и охотничьих, для различных видов промыслового зверя и птицы». В настоящий момент в литературе отмечается, что на территории Минусинской котловины традиция класть бронзовые наконечники стрел в погребения фиксируется только на подгорновском этапе тагарской культуры [15, с. 121]. Помимо этого, С.И. Руденко были выделены некоторые из отличительных особенностей набора погребального инвентаря в зависимости от пола погребенного. Стоит отметить, что вещевой комплекс, полученный в ходе исследований Абакано-Минусинской экспедиции 1920 г., в целом довольно характерен для тагарской культуры Минусинской котловины.

Интерес также представляют суждения ученого относительно образа жизни населения тагарской культуры, сделанные на основе анализа погребального инвентаря. По мнению С.И. Руденко, население данной культуры было оседлым и могло жить в срубных жилищах. Основой хозяйственной деятельности являлось скотоводство (разведение овец, рогатого скота и лошадей) наряду с охотой (кабарга, волк, лисица и, возможно, олень, являлись промысловыми животными) и рыболовством. Бесспорным считал ученый занятия рудным делом и подчеркивал высокую технику литья металла. Высказанная С.И. Руденко в конце 1920-х гг. точка зрения относительно образа жизни населения тагарской культуры полностью подтвердилась в дальнейшем [14, с. 94; 12, с. 92, 102, 105; 16, с. 220].

В последующее время материалы Абакано-Минусинской экспедиции не раз привлекались различными исследователями в своих трудах (Э.Б. Вадецкая, Г.Ф. Дебец, А.И. Мартынов, Н.Л. Членова и др.). Памятники, изученные в ходе Абакано-Минусинской экспедиции 1920 г., были картографированы Н.Л. Членовой [16, с. 208]. Стоит, однако, отметить, что часть памятников была нанесена неверно: 1) под номером 86 на карте памятников тагарской культуры отмечен курган Аешино на р. Енисей. Памятник с одноименным названием, раскопанный С.И. Руденко, находился в долине р. Белого Июса (Юс) [14, с. 116]; 2) памятник Асочаков улус в этой же карте обозначен под номером 9 и находится в долине р. Абакана недалеко от Абакана. У С.И. Руденко же сказано, что данный памятник находится в долине р. Аскиза (Аскыз) [14, с. 114].

А.И. Мартыновым в ходе разведок в конце 1960-х гг. были зафиксированы три курганных могильника (Копьево-I–III) [12, с. 38], тем не менее остается не ясным, какой из этих памятников раскапывался С.И. Руденко.

Подробное описание особенностей погребальных сооружений и могильных конструкций, раскопанных

С.И. Руденко, а также анализ полученных археологических материалов встречаются реже. Для решения данной проблемы в первую очередь необходимо привлечение архивных материалов, позволяющих восстановить данные пробелы [5, с. 56].

К настоящему времени все раскопанные С.И. Руденко памятники тагарской культуры различными исследователями отнесены к двум ее этапам: одни более ранние – к подгорновскому, другие более поздние – к сарагашенскому. Так, Э.Б. Вадецкая в монографии «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» (1986 г.) при характеристике тагарской культуры оперировала материалами из различных памятников, в том числе и раскопанных в 1920 г. С.И. Руденко. Придерживаясь периодизационной схемы тагарской культуры, предложенной М.П. Грязновым [17, с. 187; 18, с. 4], автор отнесла к подгорновскому этапу Бузуновский могильник (I–IV), Асочаков улус и курганы у с. Копьево, датируемые V–IV вв. до н.э.; к сарагашенскому – курган Аешино на р. Белом Юсе и два кургана у д. Копьево, датируемые IV–III вв. до н.э. [14, с. 101, 107, 111, 114, 117]. Согласно точке зрения Н.Л. Членовой, тагарская культура существовала на обширной территории Минусинской котловины в период с VII по III в. до н.э. [16, с. 209]. Интересующие нас памятники исследователь датирует следующим временем: могильник Бузунова и Асочаков улус – VII–VI вв. до н.э., курган Аешино – V–III вв. до н.э., могильник Копьево – VI–V вв. до н.э.

Наиболее поздней и в то же время аргументированной, по нашему мнению, является точка зрения С.В. Морозова, считающего, что раскопанные С.И. Руденко памятники относятся к разным этапам тагарской культуры даже в пределах одного памятника. Так, на основе анализа особенностей погребальных сооружений и найденного сопроводительного инвентаря, характерного для тагарской культуры, этот автор пришел к следующим выводам. Курганы Бузуновского могильника относятся к двум хронологическим периодам: Бузуново-I–III датируются началом подгорновского этапа, Бузунова-IV–VI являются поздней группой [19, с. 46–47]. Тот же автор при рассмотрении бронзовых стрел в раннетагарских памятниках Южной Сибири отнес курганы V и VI Бузуновского могильника к подгорновскому этапу [15, с. 119–122]. К сарагашенскому этапу исследователь отнес курган Копьево-X, остальные раскопанные курганы Копьевского могильника датированы подгорновским этапом [19, с. 46–47]. К сожалению, не были проанализированы еще два памятника, раскопанных С.И. Руденко, – Асочаков улус и Аешино. Предлагая возможную датировку этих памятников, С.В. Морозов отметил, что точное определение их места в системе хронологии тагарской культуры позволит лишь полная публикация материалов из раскопок С.И. Руденко [19, с. 42–47].

Сам же Сергей Иванович вновь возвратился к проблемам изучения тагарской культуры и вопросам ее хронологии уже в конце своего научного пути в связи с появившимися радиоуглеродными датировками по культурам Минусинской котловины. В докладе «Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки», доложенном на заседании Отделения этнографии Географического общества 2 февраля 1967 г. ученый высказал свою точку зрения по этому поводу. Имеющиеся на тот момент периодизационные схемы С.В. Киселева, М.П. Грязнова и Н.Л. Членовой с выделенными в них этапами были соотнесены с полученными радиоуглеродными датами по афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской культурам [13, с. 43]. В результате С.И. Руденко отмечал, что датировки различных исследователей, в основу которых положен формально-типологический метод, между собой не сходятся. Для того чтобы решить вопрос о том, какие из культур являются основными, а какие их местными вариантами, ученый предлагал исследователям древних культур Минусинской котловины «...установить время каждого памятника и его таксономические признаки, а если группы памятников одновременны, то речь может идти не об этапах, а вариантах, являющихся результатом смешения или воздействия одной культуры на другую. ...Об этапах одной культуры можно говорить только в том случае, если памятники не одновременны и выявлены какие-то существенные отличия между ними, проявляющиеся в материальной культуре, общественном строе и идеологии» [13, с. 44].

Подобная точка зрения относительно выделения этапов тагарской культуры существует и сейчас. Так, по мнению А.В. Субботина, тагарская культура имела более сложный и многовекторный путь развития, который не в полной мере отражают предложенные ранее периодизации. Исследователь видит иную модель динамики тагарской культуры, в соответствии с которой «...единовременных для всей культуры хронологических и типологических границ этапов, стадий и т.д. во время ее бытования в степной и лесостепной частях Южной Сибири не существовало» [20, с. 155]. Скорее всего, смена этапов этой культуры проходила в течение какого-то времени. Рассматривая данный вопрос, автор использует ряд методов, в том числе и те, к которым призывал в своей работе 1968 г. С.И. Руденко – методы естественных и точных наук. В результате А.В. Субботин приходит к выводу о том, что «...этапы, стадии и периоды, во множестве выделенные разными исследователями и порой сильно различающиеся между собой по характеристикам и хронологическим рамкам, имеют не более чем местное, локальное значение, поскольку базируются, как правило, на материалах раскопок на ограниченных территориях» [20, с. 155]. Таким образом, многие научные выводы С.И. Руденко, сделанные на основании материалов, полученных в 1920 г., остаются актуаль-

ными и в наше время. Тем не менее стоит отметить тот факт, что исследователем высказывались гипотезы, которые в дальнейшем были подвергнуты справедливой критике других ученых. Так, на основании полученных радиоуглеродных дат по афанасьевской, андроновской и тагарской культурам ученым было высказано мнение об их одновременном сосуществовании на территории Минусинской котловины. Относительно выделения этапов этих культур С.И. Руденко писал: «Если памятники этих трех основных культур не всегда встречаются в чистом виде, то это – результат взаимных влияний или перекрестных браков между племенами, одновременно жившими на территории края, существенно отличавшихся одно от другого в культурном отношении» [13, с. 44]. В подтверждение своего высказывания С.И. Руденко приводил также мнение А.И. Мартынова, М.Д. Хлобыстиной и Н.Л. Членовой. В заключение автор отмечал, что речь может идти только о памятниках трех основных культур в Минусинской котловине: афанасьевской и современной с ней андроновской культурой и более поздней динлинской (т.е. так называемой карасукской и ее продолжением, так называемой тагарской культурой) [13, с. 45]. Уже на следующий год после опубликования доклада С.И. Руденко, в котором высказывалось данное мнение, Г.А. Максименков выступил с критикой по этому вопросу. Так, на основании изучения археологических материалов, с привлечением данных антропологии, топонимики и этнографии данный исследователь считал правильной точку зрения последовательной смены культур и необоснованным мнение о сосуществовании культур эпохи бронзы в Минусинской котловине [21, с. 161]. В работах других авторов также подверглось критике мнение С.И. Руденко о сосуществовании культур [22, с. 61]. Стоит отметить, что действительно в приведенной С.И. Руденко сводной таблице культур Минусинской котловины даны соответствующие им датировки разных исследователей (С.В. Киселев, М.П. Грязнов, Н.Л. Членова) и имеющиеся к тому времени различные радиоуглеродные даты. Именно последние и привели к той путанице с датировками различных культур, что в дальнейшем справедливо было отмечено различными учеными.

Таким образом, материалы, полученные в ходе экспедиции 1920 г., привлекались Сергеем Ивановичем Руденко в исследованиях и в более поздние периоды научной деятельности. Изучение тагарской культуры Минусинской котловины – лишь один из аспектов многогранной деятельности профессора, а полная публикация материалов Абакано-Минусинской экспедиции 1920 г. и их интерпретация с точки зрения современного уровня археологической науки – дело будущего.

В следующем 1921 г. под руководством С.И. Руденко состоялась экспедиция в Челябинскую и Кустанайскую губернии. В ней приняли участие преподаватели:

В.В. Богдавленский, А.К. Иванов и Ф.А. Фиельструп [1, с. 33]. Основное внимание исследователей было сосредоточено на антрополого-этнографических исследованиях среди населения Южного Урала и северо-западного Казахстана. Палеоэтнологические исследования ограничили югом Кустанайской губернии, где на границе с Тургайским уездом были проведены незначительные раскопки и разведки. Так, на берегу степного озера Капракуль ученому удалось открыть богатую неолитическую стоянку, на которой были найдены около 600 каменных орудий различного типа и образцы керамики [5, с. 56; 22, с. 21]. Богатая собранная коллекция была датирована С.И. Руденко ранним неолитом [2, с. 71]. Результаты данных исследований не получили освещения в каких-либо работах ученого, возможно потому, что носили разведочный характер.

Возвратившись из экспедиции 1921 г., С.И. Руденко вскоре переезжает в Петроград. Закончился недолгий, но очень плодотворный в научном и организационном плане томский период. Уже в конце своей жизни профессор возвращается к своим исследованиям в Минусинской котловине. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук хранятся некоторые работы, посвященные этой теме: «О Минусинских древностях» и «Каменные изваяния Минусинского края», написанные не позднее 1967 г. Насколько нам известно, современные исследователи к этим работам С.И. Руденко до настоящего времени не обращались и будущему поколению исследователей еще предстоит оценить вклад С.И. Руденко в изучение древней истории Минусинской котловины.

Библиографический список

1. Китова, Л.Ю. Томский период в деятельности С.И. Руденко и С.А. Теплоухова / Л.Ю. Китова // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
2. Китова, Л.Ю. Томск как центр археологического изучения Сибири в 1920–30-е годы / Л.Ю. Китова // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2005. – Вып. 23.
3. Рудковская, М.А. Томский период в жизни С.И. Руденко / М.А. Рудковская // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 2004. – Т. XIII.
4. Рудковская, М.А. С.И. Руденко – исследователь Минусинской котловины / М.А. Рудковская // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
5. Шмидт, О.Г. Томский период в жизни Сергея Ивановича Руденко / О.Г. Шмидт // Традиционные культуры и общества Северной Евразии с древнейших времен до современности. – Кемерово, 2004.
6. Решетов, А.М. Руденко Сергей Иванович / А.М. Решетов // Профессора Томского университета: биографический словарь. – Томск, 1998. – Т. 2.
7. Rudenko, S.I. Les sépultures de l'époque des Kourganés de Minoussinsk / S.I. Rudenko // L'Antropologie. – Paris, 1929. – Т. 39.
8. Теплоухов, С.А. Древние погребения в Минусинском крае / С.А. Теплоухов // МЭ. – 1927. – Т. 3, вып. 2.
9. Теплоухов, С.А. Древнеметаллические культуры Минусинского края / С.А. Теплоухов // Природа. – 1929. – №6.
10. Теплоухов, С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) / С.А. Теплоухов // МЭ. – 1929. – Т. 4, вып. 2.
11. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. – М.; Л., 1949. – (МИА №9).
12. Мартынов, А.И. Лесостепная тагарская культура / А.И. Мартынов. – Новосибирск, 1979.
13. Руденко, С.И. Культура бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки / С.И. Руденко // Доклады отделений и комиссий ГО. – Л., 1968. – Вып. 5.
14. Вадецкая, Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э.Б. Вадецкая. – Л., 1986.
15. Морозов, С.В. Бронзовые наконечники стрел в раннетагарских курганах Южной Сибири / С.В. Морозов // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2003. – Кн. II.
16. Членова, Н.Л. Тагарская культура / Н.Л. Членова // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматской время. – М., 1992.
17. Грязнов, М.П. Тагарская культура / М.П. Грязнов // История Сибири. – Л., 1968. – Т. 1.
18. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Миняев, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 1979.
19. Морозов, С.В. Археологические исследования С.И. Руденко в Минусинской котловине / С.В. Морозов // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
20. Субботин, А.В. Динамика тагарской культуры (по итогам формализованного анализа монографически раскопанных могильников) / А.В. Субботин // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2003. – Кн. II.
21. Максименков, Г.А. Возможно ли сосуществование культур эпохи бронзы в Минусинской котловине? / Г.А. Максименков // Происхождение аборигенов Сибири. – Томск, 1969.
22. Научная поездка С.И. Руденко в Киргизский край летом 1921 г. // Географический вестник. – 1922. – Т. 1, вып. 1.